

Туда — машина с двумя важными пассажирами.

Обратно — машина с двумя важными урнами.

Хотя похороны были простоваты, а то и вовсе скомканы, небо будто сжалилось: когда везли прах, пошёл дождь, создавая для Джеффа и мистера Мосанга подобающую атмосферу прощания с земным миром.

Кален смотрел на стоящие перед ним урны с прахом. И точно, те, что хранились в подвале, не годились для дела!

Свежеостывший пепел был горячим.

Потому порой, чтобы не терять времени, брали урны из подвала, а по возвращении пересыпали прах в фирменные погребальные урны.

Урну с прахом Джеффа предстояло захоронить на общественном кладбище для бедных. Дети мистера Мосанга отказались забирать его прах.

Место на обычном кладбище, пусть и не для погребения, стоило немало, поэтому они предпочли дать семье Иммерлес взятку, чтобы те помогли отцу «упроситься» на бесплатное место.

Так что...

По сути...

Джефф воспользовался катафалком мистера Мосанга...

А мистер Мосанг...

воспользовался «социальной льготой» Джеффа.

Скорее всего, урны с их прахом отвезут на одно и то же кладбище для бедных и поставят в соседние ниши.

Что ж, неплохо.

Заскучают — смогут постучать друг другу «в стенку» крышками.

Вспомнив слова старины Дарси о себестоимости погребальных урн, Кален с любопытством

спросил дядю Мейсона, который был за рулём:

— Дядя, сколько мы накручиваем на гробах?

— На обычных гробах — примерно сто процентов прибыли, на особых или дизайнерских — двести-триста. Те, кто при жизни был уважаемым человеком, служил в государственных органах, выбирают строгий и сдержанный стиль. Аристократы с тугим кошельком заказывают роскошные гробы в соответствии с семейными традициями, с выгравированным на них гербом. Нуворишам всё проще, им подавай, чтобы сверкало и блестело. Кстати, у нас в конторе есть специальные каталоги с выбором гробов, там больше двухсот моделей. Если интересно — полистай на досуге. Ах да, там цены указаны примерно в пять раз выше закупочной стоимости. Мы же делаем клиентам «скидки».

«Несколько сотен процентов прибыли... — прикинул про себя Кален. — Что ж, не так уж и много, не чета урнам из крематория Хьюз, где себестоимость пятьдесят, а продают за тысячу. Двадцать раз накручивают!»

Так совпало, что дядя Мейсон разговорился и решил привести тот случай в пример:

— Да, наша наценка не идёт ни в какое сравнение с их урнами, но и цена у них какая, даже с такой-то накруткой?

У нас самый дешёвый гроб стоит десять тысяч марок.

К тому же, у нас другая клиентура. К нам в основном... хм... попадают клиенты низкого сорта, которые как раз и составляют их основную массу.

Они там каждый день жгут трупы, пашут как проклятые, а нам достаточно заключить три сделки по обычной цене — и мы уже выйдем на их уровень прибыли. Конечно, мистер Мосанг к таким клиентам не относится.

— Дядя, ты думал о расширении бизнеса? — спросил Кален.

Мейсон покачал головой.

— Я неудачно вложился, взял кредит с плечом. Кстати, ты знаешь, что такое кредитное плечо?

— Знаю.

— Ну, и ладно. В общем, вынужден сообщить тебе, мой дорогой племянник, что деньги твоего деда, то есть та часть наследства, которую ты мог бы унаследовать, из-за твоего непутёвого дядюшки значительно уменьшилась.

Он сделал паузу и добавил:

— Ты уж не серчайся на дядю.

По традиции Рейлана наследство обычно доставалось старшему сыну, а младший отправлялся искать своё счастье.

Таким образом, по обычаям именно Калену, как старшему внуку в семье, предстояло в будущем возглавить похоронное бюро. Мейсону же полагалась лишь какая-то часть денег или акций, но уж никак не право голоса.

— Я не виню тебя, дядя.

В памяти предыдущего «Калена» этот дядя всегда ассоциировался с чем-то хорошим.

За полмесяца с лишним общения Кален убедился, что, хотя Мейсон и был «любителем отлынивать от работы, болтуном и скрягой», то есть человеком с недостатками, но эти недостатки были свойственны многим.

Но самое главное — у Мейсона было правильное отношение к жизни, семье и деньгам.

Сильнее всего заработать и подняться хотел как раз он. Тот, кто раньше работал в большом городе в сфере финансовых инвестиций, а теперь был вынужден возить клиентов на катафалке, явно не мог смириться со своим положением.

А когда Кален спросил, не стоит ли внести те почти двадцать тысяч марок «консультационного сбора» на общий счёт, он, ни секунды не колеблясь, отказался. Было видно, что он не из тех, кто станет брать деньги у племянника.

Из всей семьи только он с женой, да ещё дедушка с тётей Винни работали в похоронном бюро и получали дивиденды. Передай он эти двадцать тысяч, то в следующем месяце половину от них получили бы он с женой.

В конце концов, эти деньги практически с неба свалились... Если бы Кален не отдал старине Дарси тысячу, их расходы ограничились бы парой слов.

— Кстати, Кален, давай в следующий раз... Когда появится новое дело, ты попробуешь пообщаться с клиентами, посмотрим, что из этого выйдет. Если всё пройдёт удачно, мы сможем оформить тебя в компанию как члена семьи и будешь получать дивиденды.

— Хорошо, дядя.

«Работать на Иммерлеса...

Нет...

Работать на Деаса...

Для меня честь»

— И ещё насчёт расширения... Думаю, сейчас это не нужно. Даже если мы возьмём кредит в банке, нам всё равно не тягаться с крупными сетевыми компаниями. Поэтому мне кажется, что нам нужно повышать качество обслуживания и искать новые точки роста прибыли. Ты, например.

— А разве дедушка не мог бы этим заниматься? — спросил Кален.

Дедушка ведь священник.

— Да ладно, кто станет говорить правду Богу? — небрежно бросил Мейсон.

Тут машина попала колесом в выбоину, сильно тряхнуло.

С машиной ничего не случилось, а вот урны стукнулись друг о друга, раздался звук «бам». К счастью, они не повредились.

Мейсон оглянулся и сказал:

— Когда я помру, не хочу никаких похорон. Не то что гроб, даже урну прошу мне не покупать.

— Что? — удивился Кален. — Неужели тебе всё равно?

— Просто... Когда много чего повидал, уже не придаёшь этому большого значения. Лишь бы Мина с Лентом меня любили и заботились обо мне. А когда я закрою глаза, пусть хоть в чёрный пакет из-под рыбы на рынке засыпают — мне всё равно.

— А что с прахом делать? — спросил Кален.

— Тоже мне проблема! Найдите цветочный горшок побольше, насыпьте туда мой прах, земли сверху, посадите что-нибудь, и пусть стоит в саду. Будете дома — польёте водичкой, а когда уйдёте — буду за домом присматривать.

В этот момент Рон, который по дороге обратно снова задремал, проснулся от тряски и, услышав их разговор, с любопытством спросил:

— Мистер Мейсон, господин Кален, вы что, о смерти рассуждаете?

— А ты как хочешь, чтобы тебя похоронили, Рон? — лениво поинтересовался Мейсон, одной рукой держа руль, а другой закуривая сигарету.

— Хе-хе, я планирую перед смертью потратить свои последние деньги.

— А как же семья? — спросил Кален.

— После работы я пойду на свидание с той сиделкой из дома престарелых. Если она не будет со мной, то семьи у меня, скорее всего, не будет. А уж о детях и речи быть не может.

— А похороны?

— Похороны? — Рон похлопал себя по животу. — Тут всё просто! Я слышал, что медицинский колледж Лоцзя принимает в дар тела после смерти. Их ещё называют... как-то уважительно... «учителями», да?

— Преподавателями, — подсказал Кален.

— Точно-точно, всё-таки Мастер Кален много чего знает! Хе-хе, перед смертью подпишу соглашение и завещаю своё тело им, буду преподавать.

Мейсон стряхнул пепел и усмехнулся:

— Надо же, Рон, а ты оказывается, такой... э-э-э... сознательный. Не ожидал от тебя.

— Да не, просто... — смущённо ответил Рон, — я в школе плохо учился, совсем не мог заставить себя вникнуть в эти учебники, поэтому бросил учёбу и пошёл работать. Но я знаю, что в медицинский колледж Лоцзя поступают только самые умные. Вот и подумал: буду лежать там, всякие умники и отличники будут стоять вокруг, кланяться мне в пояс и называть учителем. Приятно ведь, когда тебя так уважают!

— Ха-ха-ха! — расхохотался Мейсон.

Кален тоже не смог удержаться от смеха, но всё же заметил:

— Тогда тебе, Рон, нужно худеть.

— Худеть? — удивился Рон. — А что, чтобы быть преподавателем, нужно соответствовать каким-то стандартам?

— Да нет, но ты представляешь: тебе вспорят брюхо, а твой жир грудой вывалится наружу. Эти студенты будут, морщась от отвращения, ковыряться в твоём жире и шептаться: «Боже мой, почему наш препод был таким жирдяем?!»

Рон тут же выпрямился.

— Вот это да... Жуть какая!

Он погрузился в глубокие раздумья о своих похоронах.

А Мейсон с любопытством спросил:

— Кален, а ты откуда это знаешь?

— Тётя Мэри рассказывала. Ты же знаешь, ей иногда приходится иметь дело с изуродованными трупами, поэтому за столом она не может сдержаться и начинает ругаться.

— Да-да, ты прав, — кивнул Мейсон. — Она стала такой сварливой в последнее время.

Затем он вздохнул, стряхнул пепел с сигареты и сказал:

— Это всё я виноват.

...

Вернулись они домой только в девять вечера. Отнесли урны с прахом в подвал — на этом рабочий день был окончен.

На ужин оставили картофельное пюре, бекон и овощной салат.

Кален помыл руки и, увидев этот ужин, честно говоря, немного расстроился. Особенно после того, как сегодня он вернулся позже обычного и был голоден как волк. Он рассчитывал на что-нибудь повкуснее и посытнее.

Но...

В следующий раз он приготовит сам.

— Дорогой, я открыла тебе баночку сюрстрёмминга, — сказала тётя Мэри.

Услышав слово «сюрстрёмминг», дядя Мейсон тут же раскинул руки в стороны, расплылся в улыбке и несколько раз поцеловал тётушку Мэри на глазах у Калена.

— Это будет самый лучший ужин! Обожаю его! И обожаю тебя за то, что ты его приготовила, дорогая!

Позавчера дядя Мейсон, сидя в машине, сказал тёте Мэри, что её пирог — это одно из двух его любимых блюд.

Что же касается второго блюда, которое едят в туалете, то это был «сюрстрёмминг».

Кален моргнул. У него возникло дурное предчувствие.

— Бах!

Внутри банки скопились газы, поэтому при открывании раздался хлопок.

Тут же по комнате распространился тошнотворный запах гниющего мяса.

У Калена свело желудок, тошнота подкатила к горлу. Он с трудом подавил рвотный позыв.

По сравнению с этим запахом вонючий тофу — само очарование!

Дядя Мейсон подцепил вилкой кусок сюрстрёмминга, отправил его в рот и с наслаждением принялся жевать.

Затем, даже не спросив Калена, положил ему на картофельное пюре ещё один кусок.

— Угощайся, Кален. В этом доме мы с тобой самые преданные поклонники, нет, адепты сюрстрёмминга!

Кален, затаив дыхание, посмотрел на Мейсона. Тот наколот на вилку ещё один кусок и воскликнул:

— За нашу веру!

С этими словами он отправил кусок себе в рот и блаженно зажмурился.

Кален изобразил на лице смятение.

Что поделать, предыдущий «Кален» любил эту гадость.

К тому же, Кален, который в прошлой жизни был большим любителем вонючего тофу, подумал, что, возможно, сюрстрёмминг — это как раз тот случай, когда еда пахнет отвратительно, а на вкус — объедение.

Набравшись смелости, Кален взял вилку,

поднёс её ко рту...

И в тот же миг...

Ух ты-ы-ы...

Кален широко распахнул глаза...

Даже не прожевав, он тут же выплюнул всё обратно в салфетку, вскочил из-за стола и, пошатываясь, направился в уборную. Его вырвало.

Сидящий за столом Мейсон и стоящая рядом Мэри удивлённо переглянулись.

— Что с ним? — озадаченно спросила тётя Мэри.

— Наверное, простудился, — предположил дядя Мейсон. — По дороге шёл дождь, а в машине дуло.

— Тогда я принесу ему лекарство.

<http://tl.rulate.ru/book/77240/4270118>